

Нельзя, наконец, согласиться с включением в систему словообразования аналитических модальных форм, образованных из причастий или отглагольных имен в сочетании с глаголом *бол-*, т. е. форм *-ар, -ер, -р бол-, -маҳши бол-, -атуғун бол-* и т. д., так как они, по крайней мере в других тюркских языках, входят в систему глагольного спряжения.

В сборник вошли также итоговые, обзорно-информационные статьи, посвященные разным тюркским языкам Средней Азии и Казахстана.

В своей статье «История становления и развития узбекского национального языка» Ф. К. Камалов выдвигает следующие актуальные проблемы узбекского языкознания: 1) изучение истории узбекского языка по этапам его развития; 2) изучение местных диалектов и их роли в развитии единого общенационального узбекского языка; 3) сравнительное изучение узбекского языка и его взаимоотношений с другими тюркскими языками в историческом аспекте; 4) исследование развития узбекского языка за советский период; 5) определение степени влияния русского языка на развитие узбекского национального языка; 6) изучение путей создания единого национального литературного языка; 7) изучение истории узбекской письменности.

Видимо, не изжитыми до конца представлениями, внушенными «новым учением» о языке, объясняется следующее утверждение автора: «Необходимо учитывать, что языки тюркской системы не представляют единого происхождения, наоборот, каждый из них являет собой сложное своеобразное историческое образование, и они отличаются друг от друга по своему словарному составу и грамматическому строю» (стр. 44). Нетрудно разглядеть в приведенной выдержке положение о «схождении» языков «от множества к единству».

К. У. Убайдуллаев в статье «Об изучении каракалпакского языка в свете трудов товарища И. В. Сталина о языке» вкратце останавливается на истории изучения каракалпакского языка, начало которому было положено в советское время деятельностью С. Е. Малова, Н. А. Баскакова, А. С. Морозовой и Т. Б. Бекимбетова, и выдвигает следующие задачи перед исследователями этого языка: 1) на основе трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания внимательно изучать лексику каракалпакского языка; 2) пересмотреть его орфографию; 3) создать терминологические словари по основным отраслям науки; 4) создать толковый словарь каракалпакского языка; 5) усилить работу в области диалектологии; 6) пересмотреть программы и пересоставить учебники по языку для средних школ.

В своей статье «К вопросу об изучении уйгурского языка» А. Ш. Шамиева отмечает большую работу, проведенную советскими уйгуроведами в области изучения уйгурского языка и литературы. В качестве важнейших проблем уйгурского языкознания автор выдвигает следующие: 1) исследования грамматического строя и словарного состава уйгурского языка; 2) изучение древнейших памятников уйгурской письменности; 3) изучение языка современных уйгурских писателей; 4) создание терминологических словарей; 5) изучение уйгурских диалектов; 6) борьба с пантюркизмом и панисламом в уйгуроведении.

Таким образом, в рецензируемом сборнике достаточно широко и разнообразно представлены важнейшие теоретические и научно-прикладные проблемы, связанные с развитием литературных языков Средней Азии и Казахстана. Несмотря на отмеченные выше недостатки, проистекающие в первую очередь от не изжитых до конца идей и представлений, порожденных антимарксистской теорией Н. Я. Марра, от слабого еще внедрения марксизма в языковедческую работу в Средней Азии и Казахстане, сборник «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке» свидетельствует о повороте внимания языковедов Средней Азии и Казахстана к серьезным и безусловно актуальным проблемам, вытекающим из марксистского учения о языке.

Э. В. Севортян

А. А. Фрейман. Хорезмийский язык. Материалы и исследования. I. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1951. 120 стр.

Хорезмийский язык — один из вымерших восточноиранских языков. На хорезмийском языке до усвоения языка тюркской системы говорило коренное население Хорезма — древнего культурного оазиса в нижнем течении Аму-Дарьи. Предположение об иранском характере хорезмийского языка до недавнего времени могло быть подтверждено лишь незначительным числом сохранившихся в различных исторических источниках хорезмийских имен собственных, календарными терминами, упомянутыми Бируни, и отдельными хорезмийскими словами, приведенными в сочинениях Истахри, Якута и Ибн-Фадлана.

Акад. В. В. Бартольд писал: «Вполне возможно, что „хорезмийским“ окажется язык некоторых из рукописей, найденных в Китайском Туркестане»¹ Однако, вопреки высказанному им предположению, хорезмийский язык в том состоянии своего развития, которого он достиг к XI—XIV вв. н. э., первоначально стал доступен науке в арабской графике через мусульманские сочинения. Первый значительный хорезмийский материал был извлечен из сочинений Замахшари (XII в.) и ат-Тарджумани (XII в.)². Хорезмийский текст в сочинениях этих авторов, искаженный переписчиками, оказался недоступным для лингвистического анализа. Однако фонетический облик отдельных содержащихся в нем слов укрепил представления о принадлежности хорезмийского языка к группе восточноиранских языков³, на что и раньше указывало хотя бы хорезмийское слово *γāw-zwāra* (у Истахри), начальнй γ которого говорил о его восточноиранском диалектальном происхождении.

Возможность действительного изучения хорезмийского языка представилась только в 1936 г., когда в распоряжение Института востоковедения АН СССР из Астрахани поступила рукопись сочинения хорезмийского законоведа аз-Захиди (XIII в.) и приложенный к ней обильно огласованный Глоссарий ал-'Имади (XIV в.), пояснявший хорезмийскую лексику и фразы указанного сочинения по-арабски и по-персидски. В том же году член-корр. АН СССР проф. А. А. Фрейман по материалу указанных сочинений дал описание фонетической структуры, грамматического строя и лексики хорезмийского языка, заложив тем самым основы новой отрасли иранского языкознания — хорезмоведения.

В настоящее время хорезмоведение располагает не только образцами хорезмийского языка X—XIV вв. н. э. Археологические экспедиции проф. С. П. Толстова обогатили науку памятниками древнехорезмийской письменности, датированными III в. н. э. Путь к их успешному прочтению проложен исследованиями А. А. Фреймана, ныне объединенными в сводном труде «Хорезмийский язык».

Первая часть материалов и исследований по хорезмийскому языку состоит из введения «От автора» (стр. 3—4), четырех статей: а) «Хорезмийский язык» (стр. 5—16), б) «Образование прошедшего времени в хорезмийском языке» (стр. 17—25), в) «Согдо-хорезмийские диалектологические отношения (опыт сравнительной характеристики)» (стр. 26—41), г) «Артикль в хорезмийском языке» (стр. 42—50) — и раздела, озаглавленного «Хорезмийские глоссы в сочинении „Кыният ал-мунья...“ („Приобретение желанного...“) хорезмийского законоведа XIII в. Наджим-ад-Дин Абу-р-Раджа Мухтар ибн-Махмуд аз-Захиди ал-Газвини» (стр. 51—118). Книга «Хорезмийский язык» объединила в себе, таким образом, все ранее изданные А. А. Фрейманом его исследования по хорезмийскому языку (которые печатаются здесь в ряде случаев с некоторыми изменениями и незначительными поправками), а также воспроизвела и продолжила публикацию раздела «Хорезмийские глоссы», начатую журналом «Советское востоковедение» (1949, VI).

В последнем разделе книги приведено 277 глосс (включая одну тюркскую), расположенных соответственно их порядковой последовательности в Глоссарии, составленном к тексту сочинения аз-Захиди в начале XIV в. хорезмийцем Джалад-ад-Дин ал-'Имади и содержащем переводы хорезмийских глосс на арабский и персидский языки (рукопись Института востоковедения АН СССР — С 2311). В первую часть работы «Хорезмийский язык» вошли глоссы, находящиеся на первых 17 страницах Глоссария ал-'Имади, и несколько глосс из текста Кынии, не учтенных Глоссарием. Последние помещены А. А. Фрейманом в различных местах исследовательских статей и комментариев к глоссам. Непосредственным источником работы А. А. Фреймана явилось критическое издание текста Кынии с его переводом на русский язык, подготовленное к печати в Институте востоковедения АН СССР. Глоссы, содержащиеся на остальных 10 страницах Глоссария, а также глоссы, представленные в тексте Кынии, но не учтенные Глоссарием, следует надеяться, войдут в обещанную автором вторую часть работы «Хорезмийский язык», которая, по словам автора, «будет посвящена в основном исследованию хорезмийской лексики» (стр. 4).

Как известно, в период господства «аракчеевского режима», созданного в языкознании «учениками» и последователями Н. Я. Марра, сторонники «нового учения» о языке не допускали опубликования научной продукции своих противников в языкознании. Так было и с основным трудом по хорезмийскому языку — «Хорезмийскими глоссами». Это исследование, законченное А. А. Фрейманом и сданное им в печать в 1940 г., полностью издано лишь в 1951 г. в рецензируемой сводной работе. В условиях нового этапа в развитии советского языкознания время, которое отделит день выхода в свет первой части «Хорезмийского языка» от дня опубликования второй части этой работы, будет зависеть только от автора.

¹ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 77.

² См. журн. «Islamica», v. III, f. 2, Leipzig, 1927, стр. 190—213.

³ См. Н. W. Bailey, Language and Dialects, The Encyclopaedia of Islām v III(L—R), «Persia», стр. 1053.

Значение исследований А. А. Фреймана для науки понятно каждому прагмату. Осуществленное автором издание глосс, их прочтение и убедительное комментирование, восстановление на их основе фонетической системы, грамматического строя и значительной части лексики хорезмийского языка, установление диалектальных отношений этого языка к языку согдийскому, совершенствование знаний грамматической структуры последнего, внесение ясности в отдельные вопросы исторической диалектологии — все это вписывает новую страницу в сравнительно-историческую грамматику иранских языков.

Книга «Хорезмийский язык» — творческий успех ее автора. Он изучал хорезмийский язык, развивая и совершенствуя достижения отечественной и зарубежной науки в области исследования языковых памятников, пользуясь сравнительно-историческим методом, получившим должную оценку в трудах И. В. Сталина по языкознанию⁴. Дата завершения раздела «Хорезмийские глоссы» (1940) свидетельствует о том, что А. А. Фрейман в исключительно короткий срок проделал чрезвычайно сложную лингвистическую работу и тем закрепил приоритет отечественной науки в новой отрасли знания — хорезмоведении.

Исследовательские статьи А. А. Фреймана, помещенные в книге «Хорезмийский язык», служат прекрасным образцом восстановления грамматического строя, словарного запаса, фонетической системы языка на основе дешифрируемого материала. В разделе «Хорезмийские глоссы» исследовательское искусство автора, основывающееся на правильном понимании внутренних законов развития иранских языков, вернуло к жизни, казалось, навсегда ушедший хорезмийский язык.

Техническая сторона выполнения работы несколько уступает ее исследовательской завершенности. В этом можно видеть основной недостаток раздела глосс. Последним трудно пользоваться. Глоссы, приводимые как заголовки исследовательского комментария к ним, не пронумерованы. Отсутствие нумерации вынуждает автора во многих случаях отсылать читателя к предшествующему материалу замечанием «ср. выше», что в подобного рода работах крайне неудобно. Отсутствие нумерации затруднит и тех, кто будет цитировать материал глосс. Усложнил автор пользование книгой еще и тем, что не дал «Списка слов». Отсутствие такового в рецензируемой работе вынуждает читателя, намеренного привлечь хорезмийский материал для смежных работ, тратить много времени на перечитывание книги в поисках нужных ему фактов. Достоинно сожаления и то, что глоссы непосредственно снабжены переводом на персидский язык и вовсе лишены перевода на арабский язык. Последнее способно вызвать у читателя частую излишнее сомнение в правильности интерпретации той или иной глоссы (см. 4-ю глоссу на стр. 69) лишает его возможности дать свое толкование хорезмийского текста. Невыправленными остались разнообразные опечатки (например, *ma'amalik* вместо *mu'amalik*), описки (например, слово PR'DK⁵ на стр. 71 поясняется как восходящее к *paḡa + rā +* суффикс прилагательного *-ik*, а на стр. 102 — к **ara + rāta + ka*; см. также стр. 58).

По поводу лингвистического комментария глосс можно высказать следующие замечания.

Стр. 52: форму *βāri(x)a* «тышла» представляется более правильным возводить не непосредственно к корню *βar-*, а к корню *βir-* (ср. согд. *βur-*, ягноб. *vīr-* «находить»), сохраняя за *βar-* значение «нести» (см. стр. 110); ср. согд. *βur-*: *βyrt*, ягноб. *vīr-*: *vīyorta*, но ягноб. *var-*: *vurta* «нести», также барт. *veriy-*, язг. *vīr-* «находить». Отношения хорезм. *βir-*: *βāri(x)a* будут теми же, что и между *hiβr-*: *hāβrin*.

Стр. 58: разъяснение хорезм. *PuCKVS* «покрывало» через ср.-перс. *pādḡōs* «область» не удовлетворяет. Здесь хотелось бы видеть нечто подобное перс. *rū pāš* (ср. шугн. *pīs*, сарык. *pes* «лицо»; хорезм. *puck* <, авест. *paitika* «перед»; ср. стр. 82, где перс. *rū-yi tu* соответствует хорезм. *PCY'KDī* «перед тобою»); вторая часть хорезм. *-YS* мне не ясна.

Из приведенных двух чтений слова «шестьсот» (стр. 63 — *uxsad* и стр. 70 — *ixsad*) второе, несмотря на обилие огласовок в рукописях, кажется более вероятным, если сравнить *βaxxa* «прости» < *βaxš-*, *vāxxyatna* «мы вырастили» < *vaxš-* с асси-

⁴ См. И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 33.

⁵ Здесь и ниже прописными буквами переданы отсутствующие в наборе знаки арабского алфавита; при этом строчной буквой обозначен соответствующий надстрочный знак (например, PN'Mi).

В статье приняты следующие сокращения: согд. — согдийский, ягноб. — ягнобский, сак. — сакский, барт. — бартагский, язг. — язгулёмский, шугн. — шугнанский, сарык. — сарыкольский, мундж. — мунджанский, санглич. — сангличский, перс. — персидский, ср.-перс. — среднеперсидский, тадж. — таджикский, бел. — белуджский, авест. — авестийский, др.-вр. — древнеиранский.

миллицией согласного *z* предшествующим *x*. При этом отпадает примечание на стр. 63 $o \text{ } \dot{s} > s$.

Стр. 68: отношение хорезм. *čāk* «полный» к перс. *čāk* «трещина» неясно.

Стр. 74: едва ли удачно хорезм. N'DY' объяснено так 2-е лицо ед. числа повелит. наклонения по классу на *-aya-* «держи». Ягноб. *nota* и сак. *nāta*, приведенные в подтверждение, не помогают, так как обе эти формы являются причастием прошедшего времени на *-ta* от основ настоящего времени ягноб. *nos-*, сак. *nāsa-* «брать». Можно исправить N'DY' на Δ'RY' от корня *dar-* «держаться».

Стр. 71: нет необходимости исправлять хорезм. ZYVK PRY (рукопись) на *ēv katar* «кто-нибудь» (см. стр. 87, где ZYVK переведено «кто-нибудь» и прочитано *zivak* в параллель к согд. *zyw'nty*). Для словечка PRY после ZYVK ср. TBYU в глоссах у Замахшари⁶.

Стр. 75: хорезм. PN'Mi прочитано *panāmi* (*pināmi*) и объяснено как косвенный падеж от *panām(a)* < *patināma*, перс. *banānī*, тадж. *палонч* «другая жена». Поскольку персидский перевод текста: *agar bar zarra-yi tan saogand namixuri* содержит при слове *zarra* определение «мой», можно думать, что и в хорезмском тексте *mi* — местоименная энклитика; ср. хорезм. PCMi (стр. 79) «мой отец», ΔGD'Mi (стр. 54) «моя дочь». Тогда *pan(ā)*, *pin(ā)*, как и *vasn* (стр. 48), будут различными диалектными формами др. -ир. **hama* + *radnī*, авест. *harađnī*. Для хорезм. *panā*, *pin(ā)* ср. перс. *panāy*, *banāy* «другая жена», отличающиеся от перс. *banānī*, тадж. *палонч*, согд. *pnnč*, ягноб. *pinonč* только другим суффиксом. Для хорезм. *vasn* ср. перс. *vasnī*, *āmīsnī*. Хорезм. *vasn*, *pan(ā)*, согд. *pnnč*, ягноб. *pinonč*, тадж. *палонч*, перс. *banānī*, *panāy*, *vasnī*, *āmīsnī*, пашту *wan*, ормури *wan*, шуги. *ābīn* можно считать продолжением ир. **hama* + *radnī*, авест. *harađnī*. В хорезмийском языке, таким образом, представлены две диалектные формы развития одного слова. Эти же формы в звучании *vasnī* и *panāy* вошли и в персидский словарь. Таджикский и персидский словари включили также засвидетельствованное в согдийском слово *pn'nč* > *banānī*⁷.

Для иранского *pati nāma* ср. *pn'm* в надписи Шанура I из Накш-и-Рустам⁸.

Стр. 80, 3-я глосса: слова *hēc kadām kām vāc nkūr' nē bāc* можно читать: *hēc kadām kām vāci nukūr* (арабск.) (*nakr* по рукописи F) *nē bāc* «Никакого желания или (*vā-ci*) намерения не будет». В параллель к хорезм. *yaššiyāk*, оставленному без пояснения, ср. мундж. *yaššy* «добрый, хорший», перс. *gaš* «красивый», «ласка».

Стр. 81: правильность перевода глагольного корня *yāvar* русским глаголом «знать» (см. стр. 19, 118) подтверждает глосса в словаре Замахшари⁹. V'ZND'H V'B' Y'V'RYDH, перс. *bikušī ū-rā yā bidāni st ū-rā*, хорезм. *vazanidāhi vābā yāvārīdahi* «он убил его или узнал его», где *vāzanīdā* — 3-е лицо ед. числа прошедшего времени от ир. **ava* + *zan-*; *yāvārīdā* — 3-е лицо ед. числа прошедшего времени от *yāvar* «знать».

Стр. 83: здесь ошибочно висба ученого Аль-Мансуранвиши объяснена как географический термин. Следует исправить на *Mansūr-anβīš* — название селения в Хорезме¹⁰.

Стр. 84, 3-я глосса: в переводе опущены слова: «я дам тебе динар».

Стр. 85, 4-я глосса: вместо слов: «три развода той», лучше: «пусть будет та разведена трижды».

Стр. 88: к хорезм. *-vaš* «там» и согд. *wdu* примыкает ягноб. *n^ahavat* «именно там», где *n^aha-* — усилительная частица и *vat* — наречие «там».

Стр. 95: нельзя признать удачным толкование слова *zināy* в глоссе *ka zināy ik-kā* «если я совершу прелюбодеяние» как производное от персидского заимствованного *zan* «женщина» + суффикс абстрактности *-āy*. Проще видеть здесь арабское имя существительное *zinā'in* от глагольного корня *znū* «прелюбодействовать» с обычным *y* в конце слова *zināy* по типу *rāy*, *xidāy*. По-арабски эта фраза переведена: *in zanajtu*.

Стр. 98: для хорезм. *pirēxā* «(если) оставлю» ср. ягноб. *piraxs* «оставаться».

Стр. 104, 12-я глосса: по рукописям можно прочесть: *kānci ci vižžidi* «если же из твоих ниток». В исправлении *vižžidi* на *vižir* нет необходимости. Хорезм. *vižži* —

⁶ См. журн. «Islamica», v. III, f. 2, 1927, стр. 211.

⁷ См. также W. B. Henning, Sogdica, London, 1940, стр. 17; P. Tedesco, «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», v. XXV, f. 1 и 2 (№ 79), Paris, 1925, стр. 64 (там ср. перс. слово *bāmbišn* сопоставлено с авест. *damañōradnī*).

⁸ См. «The American Journal of Semitic Languages and Literatures», v. 53 [1937], стр. 126; «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», B. 91, Leipzig, 1937, стр. 652; «Bulletin of the School of Oriental Studies», (University of London), v. IX, p. 4, 1939, стр. 846.

⁹ См. журн. «Islamica», v. III, f. 2, стр. 211.

¹⁰ См. также журн. «Islamica», V. III, f. 2, стр. 202.

косвенный падеж от **višr* < **viš*; ср. мундж. *wiřž*, санглич. *wīřz*, язг. *wiž*, бел. *gužg* < **wgzi-*, -*di* — местоименная энклитика 2-го лица ед. числа.

Стр. 104, 2-я глосса: персидский перевод требует наличия в хорезм. тексте параллели к перс. *digarān* «другие». Это может быть достигнуто, если не объединять NVR'NY'N в одно слово *nīrāniyān*, а разделить на два слова: NVR и 'NY'N. Первое может быть понято как «теперь» (см. стр. 107, 108, ягноб. *innūr* «сегодня» < *i* + + *nūr*), второе — 'NY'N — род. падеж мн. числа от ир. *anya-* «другой»; ср. согд. 'ny, ягноб. *ane*. См. также стр. 111, хорезм. *fini* «на другое»; здесь вместо *fa* + *īni* возможно *fī* + *anī* (*anī* «другой» < ир. *anya-*).

Стр. 104: в перс. тексте слово *riš* по рукописи (С 223, стр. 67) удобнее для перевода заменить словом *ras*.

Таковы отдельные замечания к разделу «Хорезмийские глоссы». Некоторые из них, возможно, не будут приняты автором.

На основании опубликованного А. А. Фрейманом исследования читаются теперь хорезмийские глоссы, находящиеся в сочинениях ат-Тарджумāни и Замахшари. Большинство глосс у ат-Тарджумāни слово в слово совпадает с глоссами у аз-Захиди. Иранисты с нетерпением ожидают выхода в свет обещанной автором второй части книги «Хорезмийский язык».

М. Н. Боголюбов

И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка. Перевод с нем. и вступ. статья А. В. Десницкой. Под ред. В. В. Струве. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 200 стр. (Hethitisches Elementarbuch von Johannes Friedrich. Erster Teil. Kurzgefasste Grammatik. Heidelberg, 1940).

В области изучения индоевропейских языков за первую четверть XX в. сделан ряд открытий, значительно обогативших свежими фактическими материалами наши знания. Достаточно назвать ранее неизвестные языки, которые были обнаружены в этот период: 1) согдийский (Китайский Туркестан), 2) тохарский (Китайский Туркестан) и особенно 3) хеттский (в Малой Азии), точнее неситский, как его предлагает называть чешский ассириолог Б. Грозный, который первый прочитал клинописные тексты хеттов и определил индоевропейский характер грамматической структуры их языка¹.

В 1917 г. Б. Грозный опубликовал свой труд под заглавием «Хеттский язык, его строение и принадлежность к индоевропейской семье языков»². Признание хеттского языка индоевропейским произвело сенсацию в научном мире, но сразу же мнения ученых разделились. На стороне Б. Грозного оказались главным образом индоевропейцы-компаративисты (А. Дебруннер, Марстрандер и др.). Ф. Зоммер, сначала выступивший против методических приемов Б. Грозного, примененных им при дешифровке хеттских тек-

¹ В советском языкознании пока еще нет единства мнений по вопросу о термине «хеттский язык». Некоторые ученые, главным образом специалисты по иберийско-кавказским языкам, считают традиционное обозначение термином «хеттский» индоевропейского неситского языка принципиально ошибочным, поскольку язык древнейшего населения на территории хеттского государства не является индоевропейским. Вместе с другими древними языками Малой и Передней Азии (хурритским, урартским, или халдским, эламским, шумерским, а также палайским, обычно относимым к индоевропейской семье языков) и некоторыми языками западной части Средиземноморского бассейна (этрусским, баскским) этот язык («собственно хеттский», или «протохеттский», или «хаттский», или «протохаттский») указанными учеными гипотетически объединяется с живыми иберийско-кавказскими языками в х е т т с к о - и б е р и й с к у ю с е м ь ю языков. Народы, языки которых принадлежат к хеттско-иберийской семье, по словам этих ученых, создали «... одну из древнейших цивилизаций в истории человечества, задолго до выступления на историческую арену народов индоевропейских, семитических и алтайских» [А. С. Ч и к о б а в а, Введение в языкознание, ч. I, М., Учпедгиз, 1952, стр. 227. Об этом см. также: А р н. Ч и к о б а в а, Сталинское учение о языке и наши задачи в области сравнительно-исторического языкознания, газ. «Заря Востока» (Тбилиси) 20 I 52; Н. Б е р д з е н и ш в и л и, И. Д ж а в а х и ш в и л и и С. Д ж а н а ш и а, История Грузии, ч. I, 2-е изд., Тбилиси, Госиздат Груз. ССР, 1950, стр. 16—17 и др.]. Следует отметить, что эта гипотеза не имеет никакого собственно лингвистического обоснования. Она не подкрепляется также и историко-археологическими данными. — *Ред.*

² F. H r o z n ý, Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm («Boghazköi Studien», H. 1 n 2), Leipzig, 1917.